

М
е
р
р
и
л
и

ИГРАЯ В
ЖИЗНИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мери Ли
Играя в жизни

«Автор»

2023

Мери Ли

Играя в жизни / Мери Ли — «Автор», 2023

Три сотни лет назад на уцелевших частях планеты появились поселения, объятые куполами, которые были обязаны защищать остатки человечества от новых угроз. Эти поселения стали называть секторами, каждый из них был необходимым для корпорации, ведь стоит рухнуть одному сектору, и придет крах империи, а секторанты узнают, что именно находится за пределами куполов. Станет известно, для кого именно были воздвигнуты невидимые стены. Кого они защищают на самом деле, а кого держат в плену?

© Мери Ли, 2023

© Автор, 2023

Содержание

1. Ограбление мертвеца	6
2. Полночная прогулка	13
3. Будни	18
4. Фарс	21
5. Правосудие	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Мери Ли

Играя в жизни

Всю нашу историю сильные мира играли жизнями обычных людей – тех, кто был в их власти и не имел свободы, хотя думал иначе. Дергая за ниточки, плетя заговоры, придумывая проблемы и находя выходы из них, верхушка импровизированно продолжала удерживать мир в своих цепких руках. Всегда были те, кто правят, и те, кто подчиняются. Кто дает и кто берет. Кто позволяет и кто спрашивает позволения. Иначе существовать невозможно. Равноправие – миф. Утопия – сказка.

Эта же игра началась больше трехсот лет назад. Эксперименты и опыты возвышали стоящих у руля настолько, что, заняв недостижимую ранее высоту, они сокрушительно начали падать вниз. Почти разбились, практически потеряли власть. Практически.

Но корпорация, о которой раньше и не подозревали, снова объединилась и начала набирать мощь. Знания семьи, что привела планету к гибели, помогли им укрепиться, и их стали величать Семьей Основателей. История переписывалась десятки раз, корректировалась еще больше, и мизерный процент людей, что выжил, позабыл о том, что их стражи в виде корпорации и Семьи Основателей никто иные, как надзиратели и рабовладельцы.

Три сотни лет назад на уцелевших частях планеты появились поселения, обьятые куполами, которые обязаны защищать от угроз. Эти поселения стали называть секторами, каждый из них стал необходимым для корпорации, ведь стоит рухнуть одному сектору, и придет крах империи Семьи Основателей, а секторанты узнают, что именно находится за пределами куполов. Станет известно, для кого именно были воздвигнуты невидимые стены. Кого они защищают на самом деле, а кого держат в плену.

1. Ограбление мертвеца

Безжалостный поток дождя не прекратился даже на момент похорон одной из самых знаменитых женщин нашего города. Если бы вокруг овальной ямы умельцы не соорудили импровизированный навес, который вот-вот рухнет под ударной канонадой ливня, то похороны пришлось бы отменить. А этого делать ни в коем случае нельзя. Только не с лучшими нашего мира. Они чтят закон в любом его проявлении, для них честь и достоинство семейного дома – атрибуты, без которых они не выходят за порог своих элегантных жилищ. Мне ли этого не знать? Да, мы никогда не были элитой Синта, но входили в средний класс, а это уже достижение. Все благодаря маме, которая работала в адвокатской конторе. Жаль, что ее закрыли. Когда-то и моя семья жила у парка Памяти, ходила на званые вечера, оказывала услуги гостям из других Секторов. Это было давно. Порой, мне кажется, что вся моя семья, далекая сытая жизнь, разноцветные платья и гаджеты – это всего лишь воображение моего больного рассудка. Не более. Не могла ведь я скатиться на дно настолько стремительно, что теперь я не то, чтобы вышла из среднего класса, а практически выпала из низшего и качусь напрямиком в отребье. А там и до голодной смерти недалеко.

В этот дождливый день я стояла у дуба, в который пару лет назад прилетела молния и раскроила махину на две неравные части. Я уже отбросила попытки закутаться в тонкую куртку. Смысла не было. Промокла насквозь. Меня, в отличие от семьи мэра и ближайших к нему людей, не пригласили в шатер, я вынуждена была стоять, мокнуть, мерзнуть и ненавидеть весь мир, как и остальные. В такой значимый, печальный день отгул дали практически всем, у кого имелась работа, у кого ее не было и в помине, пригнали блюстители и выстроили на самой границе кладбища. Ведь дань уважения усопшей должны были отдать все. На своих местах, недвижимыми остались только рабочие на заводе, ведь создание нового синтетика не может ждать и минуты. Когда на Синте вырубают электричество, то завод продолжает работать, а дым валить из его труб.

Ах да, чуть не забыла. Мы отдаем дань женщине, которая смотрела на всех не иначе, как на мусор. На всех тех, кто делал ее жизнь лучше. Чем больше синтетического красителя мы сдадим в конце месяца, тем привлекательнее будет жизнь тех, кто живет у парка Памяти. Погибшей жене мэра повезло выбраться из грязи и натянуть на себя шелка. Но в душе она оставалась такой же, как и мы, – недостойной.

Сама я на заводе не работала, туда таких, как я, не брали. Только мужчин. Порог прохождения от семи лет и до смерти. Женщины были удостоены другой работы. Оно и к лучшему. На фабриках ужасно, от паров люди порой сходили с ума. Это я молчу о том, что у некоторых облезала кожа, волосы и ногти. Это не всегда было критично, если пострадавший успевал перевестись в другое крыло фабрики, то у него даже был шанс не изуродовать себя до безобразия. Основная масса работяг выглядит так, словно их только что достали из огромной кастрюли с кипятком. Но все это не имеет значения, если ты живешь у парка Памяти.

Мадам Рованна Антонелли – третья жена мэра – была молода и строптива. Так писали газеты. Строптива? Что это значит? Никогда не видела жену мэра строптивой. Порой она пыталась выглядеть взрослой и важной, но в это никто особо не верил. Она была кроткой, как ядовитый ягненок, всегда улыбалась на публике и махала беднякам, таким, как я, сжав зубы. Словно мы могли заразить ее чем-то. Хотя да, могли. Мадам Рованна Антонелли боялась ужасной болезни, которая скосила больше, чем синтетик, – нищеты. Но ей повезло, она не заболела. Умерла вполне себе здоровой гражданкой сектора Синт.

– Видишь? – спросил меня Элвис и указал рукой в сторону навеса.

Все та же картина. Стена дождя.

– Почти ничего не вижу, – призналась я. Зубы стучали в такт дождю, а губы дрожали от холода.

Элвис склонился ко мне еще ближе. Я бы отодвинулась от него, но тогда ничего не услышала бы, а его слова были важны.

Элвис работает на третьей фабрике, химия разъела ему что-то в желудке или в пищеводе, точно неизвестно, но теперь изо рта Элвиса несло хуже, чем из мусорного контейнера.

– Вон, ее положили в мешок. Сейчас скинут в яму и закопают.

Я лишь кивнула и вспомнила совершенно другие похороны. Тогда светило солнце. Был один из самых солнечных дней в том году. Семь лет назад вокруг меня не было столько народу, я была одна и рыла яму голыми руками. Ломала и без того изуродованные ногти и плакала. Я практически падала от голода, но продолжала копать, захлебываясь слезами. Мне было тринадцать и это случилось через месяц после того, как папа и Ник ушли. Они бросили меня с Мэри на руках. Она и так болела. Я знала, что она умрет, но это все равно случилось неожиданно и практически раздавило меня. Практически. На протяжении всего месяца, до третьего августа, я просыпалась в ужасе и прикладывала к губам Мэри металлическую ложку, и стоило той запотеть, как из моих глаз катились слезы счастья. Она была жива до моего дня рождения, но около обеда того дня ложка перестала отпотевать, и слезы покатались уже от потери самого дорогого человека на свете. От единственного, кто никогда меня не бросал. До того дня.

Прошло семь лет, а я по-прежнему ненавижу своих родственников. Папа и Ник. Они бросили меня и ушли в лучшую жизнь. Обещали заработать на счастливый билет и вернуться, хотя все знают – оттуда нет возврата. Врата сектора Ристалище открываются лишь однажды. Да, по условиям оттуда можно выбраться, и тогда ты будешь богат и счастлив, но по факту из десятков тысяч людей Ристалище покидали не больше двадцати раз. А ведь глупцы продолжают верить, что это не то, чтобы возможно, а именно они ломают систему и обыграют Ристалище. Гребаные идиоты, которые сподвигают на смерть себя и близких.

Элвис говорит, что папа и Ник мертвы. Я же уверена, что живы. Как могут люди, которые сделали выбор не в сторону семьи, а наживы, проиграть в отборе? Я вас умоляю, да они живы и здоровы. А если и нет, то мне плевать. Я выжила без них и больше не считаю их своей семьей. Ее больше не существует.

Из-за того, что я стояла на самой высокой точке оврага, то могла рассмотреть смазанную дождем толпу горожан, которые выстроились по периметру. По большей части это низший слой населения Синта. Я, как и они, ждала только одного – подношения еды. Таким образом семья мэра подкупает нас, но и дает понять, кто тут папочка и всех кормит. Жаль, что сегодня мне не удастся получить пищу из рук мэра. Другие планы, более незаконные, опасные и сытые.

– Да когда ее уже закопают? – возмутился Элвис. Переступал с ноги на ногу и хляпал по луже дырявыми ботинками.

Я в сотый раз провела ладонью по лицу, хотя это не спасало от новых струй дождя. Листья не в состоянии спасти от потопа. Зонта у нас не было, а под брезент приглашения не приходило.

И вот момент настал. Я перестала видеть мешок с мадам Рованной Антонелли, значит он опустился ниже уровня земли. Наконец-то. Какое-то время мэр еще стоял на месте, отдавая дань и почести супруге, а потом начал движение в сторону выхода с кладбища. Импровизированная крыша поехала вместе с ним. Ее несли по меньшей мере два десятка таких же доходяг, как и я. Уверена, сегодня они поедят досыта, а если не дураки, то оставят что-нибудь на потом, а не глупо набьют желудки единожды.

Нищая братия двигалась за мэром, но мы с Элвисом, Сидом и Моникой остались у дуба. У нас будет слишком мало времени для проворачивания дела. Если поймают, то отправят под суд. Оправдательные приговоры редкость, ведь уже десять лет как адвокатов упразднили, но усовершенствовали и даже добавили денег на прокуратуру и судейство. Но каждый в секторе знает, эти ублюдки получают свои блага ни за что.

– Может, я схожу за подношением? – предложил Сид. Клянусь, мой желудок сделал кульбит при мысли о еде.

Я бросила на мэра последний взгляд и повернулась к друзьям по несчастью. Я была бы не против, чтобы Сид пошел и получил хоть какую-то еду, но Элвис прервал его и недовольно произнес.

– Ты сдурел? У нас тут куш! Да нам до конца года хватит, еще и останется. – Глаза парня горели, он находился под пьянящим дурманом своих мечт.

Не верила я в этот куш, да и добывать его придется максимально грязным способом. Да, я согласна, что могилы богачей постоянно грабят, за свои двадцать лет я падала и куда ниже, но впервые слышу, что за разграбление могилы нам заплатят электронными марками. То есть, это заказ. Мы должны снять с усопшей все украшения. Все до единого. А после Элвис отдаст их заказчику, тот, в свою очередь, заплатит. Да так, что я смогу насладиться полным желудком и новой одеждой.

– Не кричи, – прошептала за стеной дождя малышка Моника. Не думаю, что кроме меня ее кто-то услышал.

Я смотрела на нее и сердце сжималось. В следующем месяце Монике исполнится двенадцать. Я была против, чтобы она шла с нами, но Элвис четко дал понять, что если она не пойдет и не станет рисковать наравне с остальными, то не получит ни единой марки. И если подумать, то в этом случае Моника может не перешагнуть черту двенадцатилетия. Моя старшая сестра не перешагнула. Как и младшая. Стоило мне вспомнить Мэри, как сердце давало сбой и работало не по правилам.

Взгляд сам по себе направляется в сторону леса. Там у одного из самых высоких деревьев я ее и похоронила. Если бы не Элвис, я бы не пережила тот месяц. Только из-за этого, из-за моей благодарности и липкого чувства, что я ему теперь вечно должна, я тут и стою. Хотя, какого хрена я себя обманываю? Я стою тут не только из-за надуманной благодарности, но и из-за постоянного чувства, без которого я даже не представляю свою жизнь. Голод. Он заставляет делать куда более ужасные вещи, нежели снятие украшений с усопшей. Тем более ей плевать, будут на ней рубины и бриллианты или нет. А вот мой желудок скажет сытое "спасибо".

– Ну что? Готовы? – спросил Элвис и достал из тряпичного, насквозь промокшего мешка складную лопату. Капли дождя слишком громко начали отскакивать от металлической поверхности.

Я кивнула, хотя этого никто не увидел, и заправила мокрые волосы за уши.

На холме кроме нас больше никого не осталось. Более благоразумные и бедные ушли за едой. Более богатые и сытые отправились за пустыми разговорами между собой.

Если бы вы пошли со мной по зеленой траве, вы не увидели бы надгробий или крестов. Этим больше никто не занимается. Надобности нет. Люди мрут слишком быстро, чтобы хранить память о ранее ушедших. Умерли и умерли. Даже жене мэра никто не стал ставить памятник.

Мы рисковали, днем этого никто не делает. Слишком опасно. Грабят мертвецов только ночью. Все ждут темноты и тогда, уж поверьте, на кладбище будет тусовка больше, чем при захоронении. Именно этого Элвис и опасается. Он говорит, что мы слишком худые и слабые, любой, кто придет грабить Рованну Антонелли, победит нас и закопает вместе с усопшей, прихватив при этом кучу драгоценностей.

Скорее всего Элвис был прав.

Спустившись в низину, я поскользнулась на мокрой траве и осела коленом в лужу. Да что б тебя. Встала и продолжила идти, стараясь не морщиться от боли в ушибленном колене. Я настолько слаба, что конечности больше не держат меня. Они отказывались и бунтовали. Сколько я уже не ела? Два дня? Больше?

Моника осталась немного выше того уровня, где находится самое свежее захоронение. Если быть честной, то я удивилась ее согласию пойти на кладбище и ограбить могилу. Моника была очень пуглива. Ее страшит буквально все, начиная от назойливых мошек, что начинают хозяйничать в Синте по вечерам, и заканчивая казненными, которых мы видим на экранах каждый день. На площади Победы экран вообще не выключают. Изверги. Хотя, если его когда-нибудь выключат, то зрители обратят внимание на виселицу справа от экрана и увидят – она никогда не пустует.

Отгоняю от себя мысли про заключенных и казненных. После смерти Мэри, я пыталась найти на экранах папу или Ника, но безуспешно. Ни одного из них я не обнаружила ни единого проклятого раза. Они умерли на Ристалище. Не им было идти тягаться с теми, кого отправляют со всех Секторов на смерть. Казненным терять нечего.

Хорошо, что земля была свежей, еще не утоптанной, но плохо то, что ливень продолжал топить кладбище и делать почву практически неподъемной. Я больше не могла. Устала до потери сознания.

Сидя на коленях и руками выгребая жижу, я проклинала Семью Основателей и Корпорацию. А проклятая жижа тут же затекала обратно. Элвис работал маленькой лопатой на исходе сил. В итоге отдал ее двадцатилетнему Сиду, и тот дошел до тряпичного мешка.

Меня начало мутить, но я знала, что меня не вырвет. Просто нечем. Не могу сказать, откуда пришла тошнота, от голода или от отвратительности того, что мы делаем. Не важно. Мы не свернем назад. В последний раз я держала марки в руках, когда еще моя семья была цельной, электронных и вовсе никогда не было. А это больше восьми лет назад. Девяти. Больше девяти сраных лет назад.

Сид расстегнул мешок не дожидаясь Элвиса, который поспешно начал спускаться по грязевому потоку в яму. Я слышала *вжик* даже сквозь шум дождя. Повернулась и, стараясь не смотреть на лицо покойной, начала быстро снимать с ее пальцев кольца. Но больше всего меня привлек огромных размеров алмаз. Размером с детский кулак, он висел, точнее, лежал на шее мертвой жены мэра. Как же тяжело не смотреть на лицо покойной. Я как могла отводила взгляд, хотя и без этого знала, что ее глаза и рот сшиты толстыми черными нитями. Кто-то верит, что эти нити сдержат душу внутри тела и после того, как умерший пройдет испытания, он сможет вернуться в тело и переродиться. Количество и качество украшений и одежды зависело, в каком качестве нынешний труп вернется на Синт. И сейчас мы лишали жену мэра завидной участи снова быть богатой.

Концентрировалась на камне как могла, приказывала голове не кружиться, а желудку не бунтовать. Все же я стянула драгоценность, и в этот момент на нас практически упала Моника.

– Охрана, – прошептала она и словно маленькая обезьянка начала выбираться наверх, закидывая меня грязью.

Первая попытка выбраться из ямы закончилась провалом, меня потащило назад. На мгновение я поймала панику за хвост. В глазах потемнело, а легкие сжало. Сид пришел на выручку, подтянул меня, и мы все вместе побежали в сторону редких деревьев. Там, миновав убогий лес, мы сможем попасть в город, а точнее, в наше жилище на окраине Синта. Огромный стоэтажный дом-свеча. Таких в нашем городе всего три, они стоят на границе города и кладбища. Тут-то и живут отбросы. Работники заводов и фабрик, проститутки, разнорабочие.

Я и не заметила, как сумерки спустились на Синт. Тонкие лучи от фонарей охранников полосовали пространство кладбища. Они не видели нас вплоть до того момента, пока наша четверка не добежала до первых деревьев.

Я не слышала, что кричали нам вслед, и кричали ли вообще, я старалась вслушаться в лай собак, но и этого не было. Нам удалось уйти достаточно легко и без потерь. Если не брать в расчет мои легкие, они готовы были выпрыгнуть и раствориться в уменьшающемся дожде.

Остановились мы только у электрически заряженной решетки. Как можно аккуратнее пролезали в яму, приходилось нырнуть с головой в лужу. Будь проклят этот ливень!

Вынырнула я уже в городе, села в грязь и помогла выбраться Монике. Дальше Сид и в конце Элвис.

Элвис улыбался во все свои кривые зубы и повторял словно мантру:

– Мы смогли.

Мы действительно смогли. Заражаясь позитивом Элвиса, я не смогла сдержать победную улыбку. Она расцвела на лице, словно я выиграла какой-то нереально огромный куш. А по факту, я только что разграбила могилу в компании ребенка и моих ровесников с гниющими желудками.

Поднимаемся и продолжаем идти в сторону домов. Они высятся в небо практически до самого купола. Верхние пятьдесят этажей уже давно непригодны для жизни, но говорят, что если забраться на сотый и протянуть руку, то можно почувствовать, как по пальцам пробегает ток от купола. Я бы не рискнула это сделать. Все знают, что это касание, даже будь оно возможно, равняется смерти. Несмотря на ту клоаку, в которой существую, я хочу жить.

Именно купол сохраняет наши жизни от радиации. Раньше, когда мама еще была жива, они с папой часто спорили о том, что же скрывается за куполом. Папа верил, что там радиация, и она убила большую часть планеты. Мама же говорила, что там чудовища. Иногда она просыпалась в ночи и кричала. Она говорила, что была там, за пределами нашего города. Но никогда не упоминала, откуда она пришла. Может, это все ложь, и мама родилась в Синте. Скорее всего это так и есть. Я не встречала тех, кто бы не был рожден тут. Приезжих у нас не бывает, кроме Семьи Основателей и посланников от корпорации. Купол, а точнее лаз, открывается только с прямого распоряжения главы Семьи Основателей. И никак иначе.

Вырваться отсюда можно только тремя способами. Первый – родиться в достаточно обеспеченной семье, зарекомендовать себя как отменного сотрудника, выжить до двадцати трех лет и устроиться работать на корпорацию. И тогда, может быть, тебя посадят на один из поездов, или летательных машин, чтобы перевезти через лаз. Это самый простой способ, но мне не посчастливилось родиться в богатой семье. Бедность – мое второе имя. Нищета – моя фамилия. Второй способ выбраться – отбор. Он проходит раз в три года. Там может участвовать каждый совершеннолетний. Как только тебе исполняется семнадцать, ты можешь пойти на улицу Правосудия, найти там нежно-голубое здание с надписью "Второй шанс" и записаться. После этого следует некий перечень необходимых дел. Нужно посетить врача, за свои кровные, разумеется. Приобрести одежду и поставить метку. Вы знаете сколько стоит метка? Десять марок. Десять! И все это для того, чтобы отправиться на Ристалище – тюрьму корпорации и попытаться войти в рейтинг. Тогда тебе дадут перечень других Секторов, и ты сможешь выбрать, куда перебраться. Но на сотню таких смельчаков, в число которых вошли мой брат и отец, практически никто не выходит с Ристалища живым. Сломленными с Ристалища не выходит никто.

До сих пор не могу понять, где папа и Ник взяли такие деньжищи. Двадцать марок. И они ведь их потратили не на умирающую дочь, сестру, а на то, чтобы убраться из этого прогнившего города. Они сбежали с Синта и оставили меня одну. Ненавижу и презираю их за это. Мать Монике говорит, что я должна простить их и отпустить, но я почему-то не могу. Каждый раз, когда я стою на краю голодной смерти, вспоминаю тех, кто предал меня. Самых родных и близких, принесших боли больше, чем все остальные.

Не хочу об этом думать. Мыслями сыт не будешь.

Отбрасываю размышления о семье в помойное ведро и продолжаю движение, стоит нашей компании зайти под навес дома номер 2, как ливень прекращается.

– Да это же издевательство! – вскрикивает Элвис и тут же переводит взгляд на меня. – К тебе идем?

– Нет.

Даже они не знают, где я живу. И пусть это остается неизменным. Меня устраивает мое уединение несмотря на то, что большую часть дня я нахожусь у здания завода и упаковываю синтетик.

Элвис закатывает глаза. Он не понимает моей одержимости скрывать место, где я живу. Как-то он пытался проследить за мной, но я заметила это и оторвалась. Элвис не знает о том, что я увидела его в ту ночь. Пусть все так и остается.

– Тогда к Монике, – говорит Сид.

Девчонка кивает.

– Мама на работе. Не знаю, придет ли домой.

Мама у Моника работает на третьей улице. Там, кроме проститутских домов и наркопритонов, ничего нет. И могу уверить вас, мама Моника никогда не употребляла наркотики. Она выживает, как может. И кто будет винить ее в этом? Уж точно не я. На прошлой неделе она предложила мне место. Одна из девочек перебрала с синтетиком и не увидела машину, что неслась на запредельной скорости. Та сбила ее. Проститутку, вышедшую из строя, даже не потрудились похоронить, она ведь не жена мэра и родственников у нее не было, или они предпочли превратиться в невидимок и оставить все, как есть. На следующий день обычная уборочная бригада смыла останки с мостовой и выкинула в контейнер, который позже переправили за пределы купола.

Мы поднялись на семнадцатый этаж. Ноги гудели, но я продолжала шагать по круглой лестнице. Маленькая темная квартира встретила нас чистотой. Не было разбросанных вещей, пыли, да и обычной грязи, присущей нашему дому.

– Мама любит порядок, – словно в оправдание сказала Моника.

А мы тем временем заливали пол потоками дождевой воды. Она стекала с нас вперемешку с грязью.

Элвис не парился по поводу чистоты. Он сел прямо на пороге и начал раскладывать все, что сумел снять с покойной. Остальные принялись делать то же самое.

В итоге у нас оказалось семь браслетов, пять цепочек, три брошки, пара огромных сережек, семь колец и огромный бриллиант. Да уж, мэр решил показать, насколько дорога была ему жена. Поговаривают, что он действительно в ней души не чаял. Я не была ни на одном из парадов или праздников, где бы имела удовольствие увидеть это.

Больше возможности и не представится.

– Это жуть! – восклицает Элвис и проводит руками по взлохмаченным темным волосам. – Мы богаты! Мы, мать вашу, богачи!

С краденым на руках – мы преступники.

– Когда нужно это отдать? – спросила я.

– Завтра. В полночь.

– Кто тебе заказал это? – поинтересовалась я, снимая промокшую куртку.

Я уже трижды спрашивала об этом у Элвиса, но он постоянно уходил от ответа. Догадываюсь, что это кто-то из толстосумов, ведь только у них есть марки в электронном виде. Перевожу взгляд на запястье. Штрихкод, на котором запечатлена вся моя жизнь. Но не это важно, скоро на нем появятся марки, и я смогу обеспечить себе сносную жизнь на какое-то время. И мне не придется соглашаться на предложение мамы Моника.

– Не важно, – отмахнулся от меня Элвис. – Я все устрою, а деньги отдам вам уже послезавтра. Условие заказчика, чтобы кроме меня никто не был в курсах этого дела. Я и так пошел на риск, сказав вам об этом... приключении.

Сид смыкает зубы и шипит:

– Если ты нас кинешь...

– Дружище, ты знаешь, где я живу, как думаешь, я настолько глуп, чтобы кинуть тебя?

В маленькой комнатухе становится слишком мало места для недоверия. Я молчу, но это не означает, что я доверяю Элвису. Нет. В нашем краю доверие обернется к тебе задом. А про обнажить душу я и вовсе молчу. Любая слабость – это оружие, которым другие воспользуются.

Пообщавшись еще около двадцати минут, мы разошлись. Все сворованные драгоценности остались у Элвиса.

Немного послонявшись по зданию, я отправилась к себе. Забралась на сорок третий этаж. Выше меня жили только птицы. Толкнула дверь и протиснулась в единственную комнату. Раньше я жила на тридцатом этаже, но после смерти Мэри, перебралась выше. Не спрашивайте, причины этого глупого бегства я не знаю до сих пор. Тут мне было спокойнее. На два этажа ниже меня никого нет, а выше и подавно. Раньше я жила в квартире с тремя комнатами и кухней, здесь же только одна комната, ни о какой кухне не может быть и речи. Но есть ванная – моя отдушина.

Разуваюсь и прохожу в ванную. Скидываю с себя мокрую одежду, забираюсь под душ, включаю воду и ополаскиваюсь под тонкими струями холодной воды. Натягиваю трусы, спортивный лифчик – лучшее, что есть в моем гардеробе, спортивные штаны и футболку с длинными рукавами. Закидываю мокрые вещи в поддон и обследовав карманы достаю оттуда тонкое кольцо. Обручальное. Все не доверяли Элвису, а в итоге обманула их я.

Не знаю, удастся ли мне обменять кольцо с гравировкой, но я попробую. Марок мне за это не дадут, но зато я смогу получить необходимое. Никто не заметил, что одно кольцо потерялось. И в случае, если Элвис нас кинет, я не останусь в дураках.

Убираю кольцо в лифчик и подхожу к маленькому и очень старому холодильнику. Открываю его и смотрю на пустоту. На что я надеялась? Что фея принесет мне пирог? Закрываю дверцу, получается это не с первого раза, и ложусь на раскладушку. Засыпаю я практически сразу, проспав несколько часов, открываю глаза и сажусь. Устремляю взгляд в сторону входной двери. Мне кажется, или я слышала какой-то звук?

Моментально становится жутко. Вслушиваюсь, но больше ничего не слышу. Может, мне просто показалось? Медленно встаю с кушетки, стараюсь не издать ни единого звука. Рука тянется к бите, которая жила здесь еще до меня, смыкаю пальцы и плотно обхватываю рукоять. Медленным, даже слишком медленным шагом направляюсь к двери. Сердце колотится, как сумасшедшее, оно мешает мне расслышать то, что таится за тонкой деревянной преградой. Останавливаюсь возле двери и прикладываюсь ухом. Тихо. Сглатываю слюну и протягиваю руку к замку. Резко поворачиваю его и распахиваю дверь. Напротив меня стоит Ник в капюшоне.

Шок и страх заставляют меня вздрогнуть, и от этого я просыпаюсь в полнейшей темноте и тишине.

Кошмары – мои друзья и соратники уже несколько лет.

2. Полночная прогулка

Я остановилась у длинного строения, которое расположено слева от главного здания завода. Солнце только-только начало подниматься и освещать Синт, жаль, что сегодня я его больше не увижу. Передо мной стояли по меньшей мере семь женщин. Я знала всех их в лицо, некоторых даже имена слышала, но ни с кем не общалась. Придя на работу, я испытывала одно лишь желание, поскорее оттуда свалить. Каторжный труд практически без выходных и краткосрочный перерыв на еду и туалет, это все, что ожидало каждую из нас за дверью с красной неоновой надписью "вход", последняя буква перегорела пару лет назад, а первая мигает уже второй месяц.

– Вчера, – сказала худая женщина с седыми висками. Ее карие глаза впали от голода, но сейчас они сверкали, словно она смотрела на еду, а не на столь же изможденную собеседницу. – Говорят, сразу после того, как мэр ушел с кладбища.

Сильвия, да, именно так звали эту женщину. Она одна из самых ярых сплетниц. У Сильвии в заголке всегда находилась пара-другая интересных, как ей казалось, историй.

Вторая собеседница тяжело вздохнула, а я старалась делать вид, что их разговор меня совершенно не интересовал. В противовес напускной незаинтересованности, я подступила ближе и повернула голову боком, убрав прядь волос за ухо. От местных сплетниц я узнаю больше, чем могла надеяться, выходя сегодня из дома.

– Говорят, они надругались над ней. Вспороли нити на веках. И рот разинули так, что он треснул по краям. Даже одежду сняли с бедняжки.

По нашей маленькой очереди пробежал шепот ужаса и недовольства. Глаза сами собой, без моего ведома скосились на Сильвию, которая рассказывала небылицы. Никому мы ничего не разрезали и не открывали. Если этому и есть место быть, то случилось все уже после нашего ухода.

– Изверги, – с отвращением прошептала другая женщина, и я ее полностью поддержала, правда мысленно.

– И не говори, – кивнула Сильвия. – Но сейчас их ищет большая часть блюстителей.

Да твою же! Блюстители. От этих ничего хорошего не жди. Вспоминаю спрятанное кольцо, его нужно выкинуть или, по крайней мере, спрятать где-то вне дома. Если нас поймают за расхищение могилы и грабеж, то тут же припишут все, что описала женщина из очереди. В какое дерьмо мы вляпались? Я откручу Элвису яйца! Говорила же, не надо нам это. Но нет, он не постеснялся напомнить мне, что я ему должна. Умерла бы без его помощи. Отправилась бы в след за Мэри быстрее пули, выпущенной из пистолета блюстителя.

– И что их ожидает в случае поимки?

Я так благодарна за этот вопрос, что готова пожать руку интересующейся женщине.

К моему величайшему сожалению, другая сплетница не ответила, и мое сердце ухнуло к пяткам. Женщины уходят, а я жду, когда подойдет моя очередь к Розалин. Мысли уносят в далекое прошлое. Я уже сталкивалась с блюстителями и повторения этого не желаю. Мерзкие поганцы, которые могут потребовать от любого, кто не носит форму или не живет у парка Памяти все что угодно, а в случае отказа пристрелить или отправить на суд под выдуманным предлогом.

– Клеймо!

От крика проверяющей, я подняла взгляд на Розалин. Моя очередь дошла, а я и не заметила. Не знаю сколько ей лет и как давно Розалин стоит на проходе, но по лицу видно, она не любит свою работу так же, как и я свою. Подаю правую руку, и она наводит на мое запястье сканер. Красный луч не приносит мне никакого дискомфорта. Заглядываю в экран к Розалин и вижу свое фото, а рядом с правой стороны показателя. Кроме веса, роста, крови, там описана

вся моя жизнь. Она хранится в файле, который мне никто никогда не покажет. Помнится, мэр говорил, что корпорация сделала эти метки для того, чтобы заботиться о нас. Более детально он не рассказывал. Никто и не спрашивал, ведь у трибуны стояли блюстители с оружием наперевес. Каждый синтовец знает – блюститель важнее мэра. У них больше власти, потому что у них оружие, которым они могут воспользоваться, даже если им что-то "показалось". Даже если бы вы были самым законопослушным гражданином Синта, то обходили бы блюстителей десятой стороной. Я их обхожу двадцатой.

– Сегодня до десяти вечера, – сообщила Розалин.

– Поняла, – прошептала я.

Я спрятала клеймо под длинным рукавом серой бесформенной кофты и прошла дальше. Знаю, что меня ожидает полный досмотр, но каждый раз от этого волосы на руках становятся дыбом. Оголяться неприятно. Сразу же чувствую себя уязвимой и незащищенной настолько, что сердце начинает колотиться с утроенной силой, а ладони потеют.

Узкий коридор заканчивается комнатой, в которой я снова увидела двух беседующих ранее женщин, они уже одевались, а мне только предстояло раздеться. Я прошла к привычному месту в самом углу практически пустого помещения и полностью разделась, стараясь не обращать внимания на других рабов около фабричной каторги. Оставшись абсолютно голой, сгребла одежду ворохом, свободной рукой открыла ящик, утопленный в стене, и закинула туда все, включая ботинки. Сразу же отправилась к зеркалу, подняла руки и медленно прокрутилась перед ним. Понимание того, что в этот момент кто-то разглядывает меня, пусть и на наличие запрещенных предметов, заставляет сжать зубы и сделать вид, что мне плевать.

Я ждала звуковой сигнал, как порцию сносной еды. Как только он прозвучал, я протяжно выдохнула и опустила руки. Правую отправила в отверстие рядом с зеркальной грязной поверхностью. И каждый раз я испытываю одно и то же чувство, словно меня вот-вот кто-то схватит за руку, но этого снова не происходит, после второго звукового сигнала забрала свою конечность и отправилась к вещам. Открываю ящик и достаю свои блага, проверенные кем-то за стеной. Натягиваю на себя одежду и быстро прохожу дальше. Не слушаю разговоры остальных женщин, в голове крутится только одна мысль – нам конец. Всей нашей четверке конец.

Через несколько минут оказываюсь на своем рабочем месте. Конвейер продолжает ехать не останавливаясь, моя задача до ужаса проста, ловить ампулы с синтетиком и упаковывать их в мягкие коробки, а потом ставить их на конвейер, находящийся за спиной. Порой кажется, что этим я занимаюсь всю свою жизнь. Марок я за это, разумеется, не получаю, но меня обеспечивают едой. Сегодня третий день, значит на выходе с работы меня ждет оплата.

– Неужели? – спрашивает девчонка справа от меня.

Перевожу на нее взгляд и пропускаю проклятую ампулу. Хорошо, что после меня стоит больше сорока человек, кто-нибудь да подберет драгоценный синтетик.

– Я тебе говорю, – громким шепотом восклицает другая, она стоит через три человека от меня. – Мой брат блюститель. – Как будто этого кто-то не знал. – Он сказал, что это прямое распоряжение от мэра. Найти преступников. Тому, кто сможет это сделать, подарят билет. На всю семью.

– Билет, – произносит сорокалетняя старушка Пэм. – Какая глупость.

– Вовсе не глупость, – возмущается сестра блюстителя. – Это не просто слово мэра, а распоряжение Семьи Основателей, самой корпорации. Такое надругательство не должно оставаться безнаказанным.

Продолжаю механическими движениями ловить ампулы и складывать в коробку. В течение всего дня разговоры ведутся только об одном – поимка преступников. Если бы они знали, что нарушитель ближе, чем они думают, то за волосы вытащили бы меня на улицу, а дальше волоком доставили до мэра.

Я весь день провела на иголках. Каждое сомнительное происшествие заставляло меня напрягаться едва ли не до потери сознания. К сомнительным происшествиям относится все: от чиха до двух умерших женщин. Скорее всего они скончались от голода или из-за отсутствия отдыха. Завтра их имена зачитают, как павших для продолжения существования мира. Отдать последний вздох на работе, это что-то вроде престижной смерти.

Даже когда подошло мое время пойти на перерыв, я ощущала на себе взгляды, которых на самом деле не было. Головой я это понимала, но панические наклонности не давали расслабиться ни на мгновение.

Когда маленькая стрелка на часах – единственном украшении на стене – остановилась на десяти, я без сил отступила со своего места, и его тут же заняла другая девушка. Я зачем-то кивнула ей, она нахмурилась в ответ, а в следующее мгновение позабыла о моем существовании.

Оказавшись в комнате с зеркалом, я разделась, снова сложила вещи в контейнер и задвинула его в стену, прошла к зеркалу и, подняв руки, кружилась. После звукового сигнала встала метку в отверстие, дождалась гудка и, быстро одевшись, отправилась за едой. Это явно лучшее, что произойдет со мной за этот день.

И снова очередь. Сейчас разговоров нет, все уставшие и голодные. Скорее всего многие из тех, кто стоит в змейке, ели примерно три дня назад. Забрав коробку, открываю ее тут же. Достая напичканный протеином батончик и съедаю его, не успев прожевать должным образом. Съеденное тяжестью падает на дно желудка, и я даже не могу порадоваться приятному чувству сытости. Желудок сдавливает и колет. В одно мгновение начинает мутить, но меня не стошнит. Нет. Таким кошунством я не занимаюсь. Остальное распахиваю по карманам и выхожу из здания, миновав турникет.

Прохладный воздух немного отрезвляет, желудок болит уже меньше. На мгновение останавливаюсь и поднимаю лицо к небу. Звезды. Тысячи прекрасных созданий смотрят на меня сквозь купол. Когда я была маленькой, мама говорила, что звезды – это тоже дело рук корпорации. Все началось с Отца Основателя, именно он разместил первую звезду на черном Олимпе. А дальше уже остальное семейство разместило их на небо, чтобы мы понимали, нам не быть свободными, как они.

Ну и ладно. Кому нужна эта свобода? Что нам делать без корпорации и Семьи Основателей? Отправляться за купол? П-ф-ф. Там ничего нет, радиация уничтожила землю еще в 2026. А это было дохрена лет назад. Но недостаточно много, чтобы за куполом было безопасно, так говорят все – от рабочих завода, до выступающих при приезде членов Семьи Основателей.

Плевать.

Шагаю в сторону завода номер 3. Усталость добивает меня, и я даже не могу сконцентрироваться на мыслях о том, что должна найти Элвиса и поговорить с ним о сделке, которая будет сегодня примерно через час. Он скорее всего знает, что нас разыскивают блюстители, но предупредить его не будет лишним. О кольце я, естественно, умолчу. Оно лежит в холодильнике. Другого более безопасного места я не придумала.

Останавливаюсь, не доходя до пропускного пункта, и жду Элвиса. Наши графики как братья-близнецы, но ему приходится пройти еще очистку от паров. Хотя это мало чем помогает, его желудку уж точно.

Спустя десять минут я вижу Элвиса, он идет, понурился голову. Не видит меня, и я окликаю его:

– Элвис.

Уставший мертвый взгляд находит мою одинокую фигуру, и Элвис тут же хмурит брови, быстро сокращает расстояние между нами и, схватив меня за локоть, тащит в сторону.

– Какого хрена! Ты что тут забыла?

Вот тебе и здравствуй, Рэйвен.

Вырываю руку и со злостью толкаю Элвиса в плечо. Не позволю таскать меня, как бездушную игрушку. Поняв, что перешел границы, Элвис примирительно поднимает руки ладонями ко мне. Киваю, но не думаю, что забуду такую мелочь.

– Тебя ждала. – Понижаю голос. – Нас ищут.

Он озирается по сторонам и склоняется ко мне.

– Я знаю. Поэтому не надо было ждать меня. Лишнее внимание...

– Я это делаю постоянно. Часто жду тебя после смены, – напоминаю я.

Уставший взгляд Элвиса бегаёт по моему лицу. Он слишком нервничает, но ещё больше измотан. Парень проводит ладонью по лицу и тяжело вздыхает.

– И то верно.

– Я пойду с тобой.

– Нет. Это исключено.

Пару минут уходит на споры. Элвис с обречённым видом пытается донести до меня всю сложность нашего положения, а я делаю вид, что соглашаюсь с этим.

– Я переведу тебе марки завтра, – взглядываясь в мои глаза говорит Элвис. – Договорились?

Опускаю взгляд на рукав кофты, под ним метка, на которой у меня скоро впервые появятся электронные марки. Это не может не радовать. Но я не могу испытывать радость до этого момента. Только после того, как у Элвиса все получится. Возвращаю внимание на друга.

– Хорошо. Но будь осторожен.

Он кивает и его тут же скручивает пополам. Элвиса рвет прямо на ботинки. Вокруг него поднимается едкий запах синтетика. Работа скоро убьёт его.

– Тебе нужно поменять место на заводе, – твердо говорю я.

Выпрямившись и утерев рукой губы, Элвис отрицательно качает головой.

– Я не могу. Не сейчас.

Не спрашиваю у него, когда он решил подать запрос, ведь Элвис может не дожить до этого времени. Каждый проклятый день на заводе бросает горсть земли на тело Элвиса. И самое паскудное, он это понимает.

– Ну, мне пора, – сказал Элвис и не попрощавшись ушел.

Какое-то время я просто стояла и провожала его взглядом. Элвису двадцать, но выглядит он намного старше. Точнее, старее. В свои неполные двадцать один он похож на человека, болеющего неизлечимой болезнью. Но одна черта характера Элвиса Финча подкупает меня, он продолжает выживать. Бьется с невидимым врагом и старается выкарабкаться со дна. Удастся ли ему это? Не знаю. Покажет только время и полночная сделка.

Справа от меня проходят два блюстителя, они, как всегда, наряжены, как на карнавал. Желтая форма, которую невозможно не заметить, серебряного цвета оружие и красная кайма на рукавах. Отвожу от них взгляд и направляюсь в сторону, где скрылся Элвис.

Мне не пришлось долго искать его след. Он скрылся за одним из мусорных контейнеров, но слишком долго не выходил оттуда. Скорее всего награбленное Элвис спрятал именно там. После он отправился в сторону парка и вышел в самый дорогой район Синта, точнее, на его границу. Элвис уселся на четвертую лавку и ждал, озираясь по сторонам. Он елозил по лавке и постоянно поправлял награбленное у себя за пазухой.

Я спряталась за деревом и молилась, чтобы Элвиса не заметили блюстители, которые периодически патрулируют более удачные места Синта. Если он покажется им подозрительным, а это так и будет, ведь после работы все спешат домой, чтобы отдохнуть, а не сидеть на лавке, то блюстители, как минимум, обыщут его. А как максимум... лучше этого не знать.

Но в парке, кроме меня и Элвиса, никого не было. Ночные жители Синта – мошки – начали лезть в глаза, я сдерживалась, чтобы не шипеть на них. Кусачие твари решили меня сожрать.

Казалось, что я сидела в укрытии целую вечность. Достала из кармана батончик и откусив убрала обратно. В этот момент парк осветили фары наглухо тонированного автомобиля. Он ехал медленно и остановился рядом с Элвисом. Черное окно опустилось вниз, и оттуда появилась рука в черной кожаной перчатке. Элвис из-за пазухи достал пакет и отдал его. Около минуты стояла тишина, кажется, что даже мошки замерли. Я-то уж точно. От напряжения слышала свое дыхание и кровь, стремительно бежавшую по венам.

Со своего места я видела, что Элвис что-то говорил. Он нервничал, но в итоге немного улыбнулся. Напряженная улыбка держалась вплоть до того момента, пока из салона автомобиля снова не появилась рука в перчатке. Только в этот раз она не была пустой. Дуло пистолета уткнулось Элвису прямо в голову.

Выстрел без звука.

Голова Элвиса взорвалась в одно мгновение, ошметки падали на гладкую поверхность парковой дорожки, и я услышала душераздирающий крик. Сначала мне показалось, что это я таким глупым образом выдала себя, но нет. Это женщина. Я ее даже не заметила, видимо, она шла с работы или, наоборот, на работу. В любом случае, она шла не в то время и не в том месте.

Не повезло. Она стала свидетелем ужасного.

Из машины вышел водитель и произвел второй выстрел. Снаряд попал женщине в грудь, и я увидела выжженую дыру. Рваные края кровоточили, с них капала слизь, смесь крови и останков. Женщина упала.

Зажимаю ладонями рот и спиной врастаю в ствол дерева, за которым пряталась. Машина отъезжает и направляется в мою сторону. Фары светят прямо на меня, и если я сейчас пошевелюсь, то они увидят, и я отправлюсь вслед за Элвисом и незнакомкой.

Кажется, я не дышу.

Страх сковывает тело так, что даже при желании я не смогу пошевелиться. Меня словно заколдовали.

Машина медленно проезжает мимо, перевозу взгляд на закрывающееся окно и вижу лицо мэра. Его профиль наводит ужас. Но куда больший ужас я испытываю, когда он поворачивается. Наши взгляды пересекаются, и я срываюсь с места. Машина тормозит, слышу крик за спиной, но не останавливаюсь. Из кармана выпадает недоеденный батончик, но даже голодная смерть лучше иной, ведь она будет не сегодня.

Бегу так быстро, что начинаю задыхаться. Не слышу, преследуют меня или нет. Сердцебиение и шумное дыхание – это единственное, что мой слух в силах уловить.

Не помню, как, но я добегаю до дома, забираюсь на свой этаж и запираюсь. Хватаю биту и сажусь у стены перед дверью. Прямо напротив. Я знаю, если за мной придут, бита их не остановит. Но призрак спасения лучше, чем его отсутствие.

Около часа проходит в тишине и темноте. При воспоминании об Элвисе на глазах закипают слезы. Несколько слезинок скатываются по щекам. Да простит меня Элвис, но я плачу из-за страха, а не по нему.

Я не хочу умирать.

Я жить хочу. И сейчас я понимаю это, как никогда ранее.

3. Будни

Кто бы мог подумать, что я буду рада обычному течению времени. С гибели Элвиса прошла неделя. Это были одни из самых долгих и неприятных семи суток на моей памяти. На следующий день после моего побега из парка, я практически пинками выставила себя за дверь и пошла на работу. Бессонная ночь оставила на моем и без того уставшем лице следы паники и тревоги. Озираясь по сторонам, я все же пришла на работу и старалась вести себя как полагаются. Я должна была не привлекать лишнего внимания и делала это на отлично, но чувствовала себя отвратительно. Мне казалось, что за моей спиной постоянно кто-то есть. И этот кто-то скоро схватит меня и утащит в какое-нибудь ужасное место. А может, за моей спиной ходит дух Элвиса? И он злится, что я бросила его. Стоило мне об этом подумать, как на душе становилось только паршивее.

Тело Элвиса не было удостоено похорон. Некому было этим заниматься. Семьи у него не было, друзей тоже, как и девушки или жены. Если вы спросите, почему не я похоронила его? То я отвечу, потому что страшно. Я боюсь того, что мэр найдет свидетеля и расправится с ним так же, как и с Элвисом. И по стечению обстоятельств, свидетель – это я. Незавидная перспектива оказаться с простреленной головой, но уж какая есть. И я буду обходить ее стороной столько, сколько потребуется.

Все семь дней слились в один, долгий и изматывающий. Хорошо то, что сегодня у меня короткая смена. Выходных, как таковых нет уже слишком давно, за исключением некоторых моментов – таких, как похороны или рождение кого-то в семействе мэра, или приезды представителей корпорации или членов Семьи Основателей.

Взамен выходного один день в неделю каждый из нас может прийти через четыре часа от начала смены. Корпорация утверждает, что они сделали этот короткий день ради нашего здоровья. Ведь всем нужен полноценный отдых, но они забывают упомянуть о том, что раньше было два выходных, потом один, а в итоге и того лишили. Спустя какое-то время ввели короткий день, и люди стали радоваться этому. Как же легко нами управлять. Еле живые, готовые пойти на ужасные поступки ради куска хлеба. Мы – хилые марионетки, вне наших сил дать хоть какой-то отпор. Мы безропотно будем ходить на заводы и убивать себя более страшной смертью, нежели голод.

Свернула за крайним домом-свечой, натянула потертую кепку на глаза. Улицы почти пустынные, если не считать площади, до которой я практически дошла. Там, перед огромным экраном, который, кажется, парит в воздухе, собрались все игроманы, у кого короткий день. В основном это мужчины, израненные и изъеденные синтетиком, они ставят свои гроши в надежде, что их ставка выиграет, и тот или иной игрок из Ристалища принесет им хотя бы пару марок. Одно из двух развлечений на Синте – смотреть в экран, где постоянно убивают людей. Весело.

Мысли унесли меня в день, когда я тоже хотела получить марки. Ни марок, ни Элвиса больше нет. Обручальное кольцо жены мэра я спрятала там же, за мусорными контейнерами, где до этого Элвис прятал остальное награбленное.

Я устало провела ладонью по лицу, стараясь искоренить воспоминания об Элвисе, но они постоянно возвращаются. Если бы у меня была возможность, то я бы стерла себе память. Забыть Элвиса и произошедшее с ним было бы пощадой для меня.

Останавливаюсь за спинами игроманов, они сидят прямо на земле и переговариваясь неотрывно смотрят на экран. Он работает круглосуточно. На нем можно увидеть заключенных с хорошим рейтингом или тех, на кого сильно возросли ставки, текущие со всех секторов.

Взгляд упирается в полупрозрачный экран, и я поджимаю губы. Перед глазами мелькают незнакомые лица. Около семи мужчин и две женщины. Как они там живут? Зная, что выхода

нет, или практически нет. Осознавая, что за тобой постоянно следят, смотрят и стараются предугадать каждый твой шаг. А когда срабатывает ставка на чью-то смерть, то и вовсе люди по эту сторону экрана ликуют и даже отмечают. И где-то там мои папа и брат. Они не попали даже в топ-500, а ниже никто имена не показывает. Все, кто ниже этой отметки, ценятся не больше пушечного мяса, которое привносит в экранную жизнь Ристалища зрелища и марки.

Людская жизнь стала игрой. Игрой на выживание, в которой даже выживший является проигравшим. Замкнутый круг.

Стараюсь не смотреть на экран. Но даже я знаю, как устроена жизнь на Ристалище. Это такой же закрытый электрическим куполом сектор, как Синт и многие другие, о которых мы даже не слышали. Туда ссылают заключенных со всех секторов. Выбрасывают на поле, а дальше наблюдают, как за крысами. Кто кого первым съест.

Говорят, что Ристалище было подвержено большей радиации, купол не успел закрыться вовремя, и когда-то красивый край стал ядовитым и опасным. Я слышала слишком много слухов о том, что животные на Ристалище стали чудовищами, а люди, что жили там в момент радиации, видоизменились и существуют до сих пор. Правда ли это, неизвестно, но на экране, у которого собрались игроманы, никогда не показывают ночные кадры. Только день. А когда у нас ночь, то идет повтор интересных моментов, которые не вошли в прямой эфир. Иногда непонятно, о чем говорят участники смертельного представления. Порой их диалоги кажутся полнейшим бредом расшатавшегося рассудка. Но известно одно – на Ристалище есть три враждующих клана. И они воюют между собой, тем самым поджигая интерес смотрящих. Иногда им привозят необходимые вещи, но для этого они должны быть в топ-100 и вырвать привезенное с боем под всплески крови и боли.

Чья-то рука легла мне на плечо, и я вздрогнула, а когда обернулась, земля ушла у меня из-под ног. Два блюстителя в желтых костюмах смотрели на меня сверху вниз.

– Клеймо, – гавкнул один из них и достал сканер.

Я опустила голову еще ниже, а сердце уже по привычке начало разгоняться, как бы я хотела побежать за ним. Но вместо этого закатала рукав и протянула правую руку, а душа тем временем на всех парах отправилась к пяткам и старалась пробить тонкую подошву дырявых ботинок. Блюститель сжал пальцы на моем предплечье и больно сдавил. Излишне больно. Но я не произнесла ни единого писка, голова осталась опущена. Краем глаза увидела красное свечение, как сканер прошелся по клейму.

Сейчас они меня схватят. Мне удалось прожить лишнюю неделю. Это уже хорошо. Так ведь? Нет, не так! Я ведь не сделала ничего ужасного. Ограбила покойника, это да, но ведь жене мэра драгоценности больше ни к чему! Безнадежно.

Блюститель убрал сканер и отпустил мою руку. Десять секунд тишины, чуть ли не лишили меня сознания. Несмотря на то, что сегодня спала дольше обычного, я практически теряла сознание. И всему виной страх. Черный подлый липкий ужас.

– Ставки? – спросил блюститель.

Все же мне пришлось поднять на него взгляд. Протяжно выдохнула, когда поняла, что оба блюстителя слишком молоды для того, кого я видела ночью с мэром. Отрицательно покачала головой.

– Нет. Нет у меня марок.

– Если будут, ставь на Ханта. Обогадишься, когда он всем задницу надерет, – сказал один.

– В очередной раз, – добавил второй.

Блюстители ушли, это оказалась обычная проверка. Какое-то время я смотрела им вслед, а когда они завернули за угол, сняла кепку и вытерла ею пот со лба. Блюстители даже не понимали, насколько близко находились к билету для себя и своей семьи.

Мне повезло. Не иначе, как везением не обзовешь то, что ко мне подошли достаточно юные блюстители, у которых еще остались, не стерлись из памяти человеческие чувства. А не

великовозрастные ублюдки, которые облапают тебя со всех сторон. И плевать, что ты телом больше похожа на умирающего от голода подростка, а не девушку.

Как можно быстрее уношу ноги с площади, в последний раз бросаю взгляд на монитор и вижу там того самого Ханта. Он недавно стал управлять одним из кланов. Года три назад, не больше. Сейчас он смотрит на кого-то, его губы изгибаются в легкой улыбке, а потом один взмах руки, и нож летит прямо между глаз собеседника. Видимо, ставка сыграла, ведь синтовцы соскакивают с асфальта и прыгают перед экраном, подняв руки вверх. Они заработали марки, а я – снова нет. Желудок скручивает от боли. Есть хочется всегда. Возможно, предложение мамы Моники я все же рассмотрю.

Ухожу с площади и, направляясь на работу, думаю о кольце усопшей. Если мне удастся его продать, то я смогу что-нибудь да заработать. Но как только мысль укореняется, я тут же отказываюсь от нее. Я не должна привлекать внимание. Если меня накроют с этим кольцом, то... ничего хорошего в моей жизни больше не будет. Не то, чтобы все было замечательно, но хотя бы более-менее сносно.

До работы я дошла достаточно быстро. Миновала пункт Розалин и пошла дальше к комнате с зеркалом. Не знаю почему, но меня одолевали мысли о Ханте. Его лицо перед тем, как он убил человека... оно показывало безграничное наслаждение и бесстрашие. Ужасно. Отнять жизнь у другого и получить от этого удовольствие, это отвратительно и бесчеловечно. Даже если у меня и появятся марки, я никогда не поставлю на него. Кого я обманываю? Ставки не для таких, как я. Помню, что Ник делал ставки, не выиграл ни единого проклятого раза. Еще один из показателей, что наша семья уже давно потеряла удачу. Или ее с нами никогда и не было.

Скинув одежду, убрала ее в ящик в стене и подошла к зеркалу. Подняла руки вверх, и мои ребра стали только виднее. Серые круги под глазами вообще перестали уходить с лица. Темные волосы собраны в косу, но из-за кепки, бывшей на макушке, полнейший хаос. Остановилась и опустила руки, только после звукового сигнала. Прошла к стене и вставила руку. Произошло то, чего я так долго боялась. Кто-то схватил меня за руку и не дал возможности отойти от стены.

Сначала я просто тянула ее на себя, но с каждым вдохом, мне становилось страшнее, и я начала дергаться. Кричала и пыталась упереться коленом в зеркало. Я была готова отгрызть себе конечность лишь бы только уйти от этой стены.

Ко мне подбежала полуголая женщина и начала помогать вытащить руку, но конечность держали слишком крепко. В комнате начал подниматься гул испуганных голосов, а потом я услышала топот нескольких пар обутых ног. Кто-то бежал. И не нужно уметь предсказывать будущее, и так понятно, что бежали они за мной. Я попалась.

Дверь открылась слишком сильно, ударилась о стену и повисла на верхних петлях. Четверо блюстителей быстро подошли ко мне, надели на шею кольцо, и тело тут же пронзил разряд тока.

4. Фарс

Смутно помню, как меня тащили с работы. По улице, по зданиям. Я даже проехала в машине – впервые в жизни, жаль, что в багажнике и абсолютно голой. Блюстители периодически дарили мне волны тока, от которых тело выгибалось, словно из него изгоняли дьявола или его приспешников. Помню, как пальцы хватались за ошейник, какая-то часть меня надеялась сорвать его и сбежать. Но от блюстителей не сбегают. Это известно всем, даже слабоумным.

Мне дали одежду только на третьи сутки. И это было сравнимо с лучшим подарком в моей жизни. Нагота равна уязвимости. А я была уязвима как никогда.

Обвинений мне не выдвинули, но я и без этого знала, за что меня будут судить. Жаль, что адвокатов больше нет. Мне бы сейчас он не помешал. В воспоминания врывается образ мамы, темные волнистые волосы, теплые карие глаза и легкая вымученная улыбка. Она была адвокатом, и я была бы рада видеть ее своим защитником. Ведь кто, если не мама, способен оградить ребенка от любых невзгод? Только мама.

Что за глупости? О чем я думаю? Мамы уже давно нет в живых. Я больше не ребенок. Адвокатов нет. Остались только я и проклятая буква закона. Черт!

Кольцо на шее так и не сняли, и я знала, что стоит мне только выйти за рамку квадрата, нарисованную на полу, как меня тут же ударит током. И этот разряд принесет не каплю боли, а вырубит меня. Приду в себя снова в квадрате.

Таких квадратов тут не меньше сотни. Длинный коридор, у которого нет ни конца ни края. Кажется, я находилась где-то посередине или около того. Если бы я легла на пол и посмотрела на потолок, то я увидела бы отражение. Зеркальная поверхность давит сильнее, чем очерченные разными цветами квадраты.

Заняты несколько из них – оно и не мудрено. Даже если в Синте и случаются преступления, то они расследуются и решаются довольно быстро и кратко. Пуля в лоб, веревка на шею, нож в бок. Не всех тащат в это место и располагают "с почестями". Я же удостоилась того, что меня не казнили на месте, прямо на пункте осмотра.

Вдалеке от меня сидела девочка, которой исполнилось не больше одиннадцати лет от роду. Иногда я слышала ее плач и шепот. Возможно, она молилась или кого-то проклинала. Она была облачена в светлое грязное платье ниже колен, обуви либо никогда не было, либо ее забрали блюстители.

Ближе, чем девочку, расположили парня, и я постоянно бросала на него короткие взгляды. Он напоминал мне Элвиса. Не внешне, запахом гниющего тела. Парень был выше Элвиса, как минимум на голову, и худее. Он тоже иногда смотрел на меня, я же, в свою очередь, заметив это, отводила взгляд в сторону. Словно стоило нам встретиться глазами, то разговор был бы неизбежен. А что говорить в подобной ситуации, я не знала, а смысла в этом было не больше, чем в суде, на который меня вероятнее всего отправят.

На две клетки ближе "двойника Элвиса" сидел еще один парень. Он никогда не поворачивался ко мне лицом. Смотрела на его спину и понимала, он не простой, не такой, как я, девочка и двойник. Он из другого теста. Руки, шея и спина даже отдаленно не напоминали худобу, сплошные мышцы. По цвету кожи ясно, что он не работал с синтетиком и не употреблял его. Даже со спины парень выглядит максимально здоровым. В Синте я таких прежде не наблюдала. Тут все выглядят так, словно вот-вот отдадут концы, словно последний вздох не за горами.

Отвернувшись от парня, села в полоборота ко всем, кого перечислила. Я уже устала разглядывать их. Девочка вот-вот упадет в истерику, двойнику, кажется, плевать на все, что происходит вокруг, а третий вообще словно инопланетянин, если бы увидела его в другой обста-

новке, то позавидовала бы здоровому виду его кожи и отсутствию вони, но сейчас это не имеет значения, мы все по уши в дерьме.

Постоянно очень хотелось спать, глаза слипались, но я старалась держать их открытыми. За три дня нас кормили дважды. По нужде можно было ходить в самый правый угол каждого квадрата. Сначала я терпела, а потом плюнула на все и сделала это. Никто не обратил внимания, в свою очередь, я пыталась ответить им подобной любезностью. Не знаю, как они, но я испытывала максимальное количество стыда. Израсходовала его на годы вперед. Если бы они у меня были, эти годы.

Невидимая клетка не способствовала спокойствию. Ведь стоило закрыть глаза, как я ожидала какого-то нападения. Я была постоянно настороже и ждала того, что кто-то из обвиненных причинит мне боль. И именно из-за недостатка сна, я в него проваливаюсь и не с первого раза услышала, как ко мне обратился работник корпорации при Синте.

– Вставай.

Я поднялась с пола и, подтянув сползающие штаны, молча смотрела на сорокалетнюю женщину. На ней был костюм бледно-желтого цвета, рукава немного коротковаты, и это говорит о том, что какой бы чистой и ухоженной она не выглядела, ей так же, как и всем нам, не хватает марок на нормальную одежду. А на еду хватает. Небольшой живот выпирает над пуговкой брюк. И тут есть два варианта, либо она слишком много съела, либо беременна.

– Клеймо, – выплюнула она и начала нетерпеливо сучить пальцами в воздухе.

Я протянула руку, и сканер прошелся по метке на моем запястье. Желтая что-то нажимала в планшете, отступила на шаг от линии моей камеры и сказала:

– Выходи.

Я посмотрела себе под ноги. Линия, которая удерживала меня тут три дня, никуда не делась, как и страх перед ней.

– Быстрее!

Я вернула внимание на Желток, и внутри удивительным образом начало подниматься безразличие. Безразличие ко всему, к этой женщине, к тому, куда она меня уведет, что со мной сделают. Я один хрен уже труп.

Не сводя взгляда с Желтка, я переступила линию, меня не ударило током, и это несомненно порадовало, но позитивная нотка слишком быстро стихла. Не задавая никаких вопросов, я пошла следом за женщиной, даже имени которой не знала. Желток тем временем уверенно прошла до самого конца кратковременного содержания преступников и, приложив свое запястье к сканеру на стене, открыла дверь без ручек. Она откатилась в сторону практически беззвучно.

Я вышла вслед за Желтком, и тут же у меня появляется конвой в лице двоих вооруженных блюстителей. Они пристроились за спиной, и мы пошли дальше по коридору, который становился ниже и уже. Или нет? Скорее всего мне это показалось. Все из-за нервов, которые снова стали натягиваться, возможно, именно сегодня я съеду с катушек. Тяжело осознавать, что твоя жизнь вот-вот закончится. Я последняя выжившая из своей семьи. Никогда раньше не думала об этом, но меня даже оплакать некому. Нет родителей, братьев и сестер, которые бы закопали мое тело. Вместо того, чтобы быть погребенной, я буду валяться на улице, пока не начну раздражать прохожих трупной вонью, только после этого меня смоят, закинут в контейнер и выкинут за пределы сектора.

В конце коридора, который уменьшился до состояния гороха, находилась лестница вниз. Спускались мы достаточно долго, и в какой-то момент я останавливаюсь. Меня словно на казнь вели. А ведь еще даже не было слушания. Так нельзя. Пусть...

Додумать мысль не дал один из блюстителей, он просто толкнул меня в спину, и я практически сбила с ног женщину Желтка. Она же в свою очередь даже не обернулась, чтобы посмот-

реть, что творится за ее спиной. Она ходила тут десятки раз и знает, блюстителю обо всем позаботятся. Женщине не нужно меня бояться.

Спустившись вниз, Желток посмотрела в планшет и указала рукой на третью дверь справа.

– Туда ее.

Не дожидаясь, пока блюстителю начнут толкать меня, я сама прошла к двери, они ее открыли. Один шаг, и я оказываюсь в полумраке. На середине стоял белый лакированный стол прямоугольной формы, с дальних концов расположили по стулу с высокими спинками. Меня подвели к тому, что дальше, посадили, надавив на плечо, и Желток сказала, что-то нажимая у себя в планшете:

– Если ты встанешь со стула, то получишь удар током. Поэтому, советую не злоупотреблять прогулками.

Она еще и шутит. Понятно. Прямая работа на корпорацию уже повлияла на нее. Человечность и банальная эмпатия уже покинули Желтка, а она этого даже не заметила.

Женщина первой вышла из кабинета, следом за ней отправились блюстителю, но что-то подсказывало мне, что они остались за дверью и никуда не ушли.

Когда-то давно мама работала адвокатом, но никогда не рассказывала об этом этапе своей жизни. Может, ей нельзя было распространяться о слушаниях, или она молчала по своему желанию. А потом адвокатов и вовсе упразднили. На тот момент мама уже не работала, но ее опыт оказался бы сейчас кстати.

Тяжело понимать, что даже примерно не знаешь, чего ожидать.

Разглядывая скучную обстановку, я осознала, что рада наконец-то оказаться одной. Одиночество – прекрасное чувство, если тебе в нем комфортно. Мне комфортно. Не люблю скопление людей, они меня напрягают. Постоянно нахожусь в нервном состоянии.

Делаю глубокий вдох и протяжно выдыхаю. Возможно, это последняя безмятежная минута в моей жизни.

Время идет, но в кабинете, кроме меня, так никто и не появляется. Сложив перед собой руки, положила на них голову. Прикрыла глаза и практически сразу же заснула. Открыв глаза, зевнула и потянулась. Первое желание было – встать и размяться, но я вовремя вспомнила, что в случае разминки меня шандарахнет током. Шея и без этого раза болела. Уверена, там даже образовался синяк.

Просовываю пальцы под обруч и слегка оттягиваю его в сторону. Ток начинает потрескивать, и я убираю пальцы.

Дверь открывается, и в кабинет входит мужчина. Стены съезжаются, чувствую, мне не хватает кислорода.

Мэр поднимает темные брови с тонкими седыми полосами. Его впалые глаза и щеки выглядят устрашающе. Если честно, наш мэр всегда, по крайней мере, сколько я его помню, выглядел как давно умерший. Если бы внешность имела запах, то мэр пах бы землей, старостью и немного тухлостью, забрызганной духами с едким цветочным ароматом.

Появление мэра расставило все на свои места.

– Завтра тебя повесят, – говорит он и медленно подходит к стулу, который стоит напротив.

В ушах поднимается гул, я бы сейчас хотела закричать, броситься вон из кабинета, но все это не даст никакого результата. Решаюсь на отчаянный шаг. Мне уже нечего терять.

– За что? – спрашиваю и стараюсь выдержать тяжелый взгляд мэра.

Он молчит. Ведь если он ошибся, то ничего страшного, что погибнет неповинная рабочая сила. Уверена, мне уже нашли замену. А если не ошибся, то единственный свидетель того, что он заказал ограбление мертвой супруги, а потом убил человека, сгинет с концами. Кроме

этого, я видела, что у мэра был пистолет, а оружием могут пользоваться только блюстители и никто иной. Мэр нарушил кучу законов, но это никак не повлияет на его благосостояние.

– Ты знаешь, – произносят тонкие губы и слегка поджимаются, словно мэр хотел сказать что-то еще, но вовремя остановился.

Отрицательно качая головой и прошу как можно жалостливее:

– Пожалуйста, я хочу просто работать и жить. Все. Мне больше ничего не нужно. Умоляю вас...

Мэр фыркает как злощипный кот и откидывается на спинку стула.

– Если бы тебе больше ничего не было нужно, ты бы не пошла на кладбище.

Делаю недоуменное лицо и на этом прогораю, но понимаю слишком поздно, что все синтовцы знают о разграблении могилы жены мэра. А я только что притворилась, что не знаю. Губы мэра изгибаются в легкой усмешке, он наклоняется над столом.

– Будь благодарна корпорации и ее законам. Если бы тебя не притащили сюда, ты бы уже была мертва. К сожалению, есть блюстители, которых невозможно подкупить, напугать или задобрить. Поэтому завтра на рассвете тебе придется предстать перед судом. – Тонкие губы растягиваются в улыбке, от которой веет злом. – Не переживай, все пройдет в рамках закона. Ты будешь нема, а я красноречив. Уже к обеду твое тело подвешат слева от главного экрана, как назидание каждому расхитителю могил и убийцам.

Все, что говорит мэр, слишком красочно рисуется у меня в голове. Вот мне выносят вердикт, потом тащат к экрану и вешают на столбе. Мой ботинок падает, и я вижу безжизненную бледную ногу, раскачивающуюся в такт соседним телам.

Шумно сглатываю и шепчу:

– Я этого не делала.

– Может быть. – Мэр садится ровно и складывает руки перед собой. – Но это не имеет значения. Даже если ты этого не делала, кто-то должен ответить за надругательства над моей любимой супругой.

Его губы говорят одно, а глаза другое. Именно они сообщают мне – свидетели долго не живут. И я уже исчерпала лимитные минуты.

Мэр поднимается, одергивает черный пиджак и, больше не смотря на меня, покидает кабинет. Тут же входят блюстители и уводят меня обратно. Женщина в желтом шагает передо мной.

Я была готова разрыдаться, но сдержала себя. Не хочу расклеиться у всех на виду. От слез станет хуже только мне.

Отсюда не сбежать. За мной идут блюстители, а в руках у Желтка планшет, который вырубит меня за одно касание клавиши.

Завтра будет суд, но в этом нет надобности. Это дань уважения былым традициям, не более того. Мэр четко дал понять, что я не жалец. И последние часы я проведу на голом полу, среди заключенных незнакомцев. Что может быть хуже? Сейчас мне кажется, что ничего. Но хуже всегда может быть.

Женщина в желтом делает пометки в планшете, а потом переводит на меня взгляд серых глаз.

– Ошейник активирован. Можешь отдыхать, завтра с утра я за тобой приду.

На слове отдыхать я начинаю смеяться. Истерически. На глазах выступают слезы, и сквозь них я даже не вижу, как желтая тройка уходит.

Всхлипывая, смеясь и плача, сажусь на пол и подтягиваю к себе колени. Все же я не сдержалась. Смех растворяется в воздухе. Рыдаю. Так сильно плачу, что кислорода не хватает. Постепенно, может, через пять минут или через пару часов я успокаиваюсь.

– Не стоит.

Голос парня, сидящего ко мне спиной, звучит утробно и глухо. Поворачиваюсь к нему, а он подобным не промышляет. Пару мгновений гипнотизирую его спину.

– Плакать? – спрашиваю я, утирая нос.

– Надеяться.

Все. Больше он ничего не говорит, а от его "надеяться" становится только дурнее. Не успеваю отвернуться, двойник Элвиса вступает в разговор, которого вообще не должно было быть.

– Они не пощадят никого. – Взгляд парня блуждает по помещению. – Корпорация убьет всех нас. Если какая-то часть механизма дает сбой, они не будут ее ремонтировать. Выбросят и возьмут новую. – Взгляд предварительно заключенного останавливается на мне. – Не надейся. Иди туда, высоко подняв голову, а не поджав хвост.

Отворачиваюсь. Тишина снова ложится на наши плечи, и я, глубоко вздохнув, опускаюсь на прохладный пол.

Вспоминаю Элвиса, в данный момент я его ненавижу. И каким образом ему удалось убедить меня ввязаться в это дело? В голове бьется логичная мысль, если бы я не следила за Элвисом, то мэр меня бы не увидел. Моя жизнь продолжалась бы в прежнем ключе.

Перед глазами появляется площадь с левитирующим экраном, а справа от нее вполне себе реальная виселица. По горлу проходят спазмы. Зажмуриваюсь и стараюсь отогнать картинку, но отчетливо вижу потрепанную веревку, свисающую с высокого столба. Сколько времени мое тело провисит, прежде чем его снимут? Скорее всего игроманы и снимут мои кости, обтянутые кожей. Тело начнет пахнуть, и только тогда они подумают, что что-то не так. Найдя причины, избавятся от раздражающего фактора. Фу. Это невообразимо мерзко. Начинаю завидовать тем, кто умер резко и даже не успел понять, что жизнь окончена.

Открываю глаза и сажусь. Мне не уснуть, а мучиться ужасными картинками, которые рисует рассудок, я тоже не желаю. Бросаю взгляд на могучую спину. Нет. Этот на диалог не пойдет. Перевожу внимание на Двойника.

– Как твое имя? – спрашиваю я.

Сначала парень смотрит себе за спину, поняв, что я разговариваю с ним, слегка улыбается.

– Бенедикт. Мать зовет – Беном, – говорит он, продолжая распутывать нитки на рукаве. – А твое?

– Завтра это перестанет иметь значение, – произношу и пожимаю плечами.

– Родные все равно будут помнить тебя, что бы ты не совершила.

– Нет у меня родных.

– Вообще?

– Я одна.

Какое-то время молчим. Незаметно для себя заразилась делом Бена – распутывать рукав кофты. Это в какой-то степени успокаивает.

– Это даже лучше, – говорит Бен.

Бросаю на него короткий взгляд и спрашиваю:

– Почему?

– Никто не будет страдать. Ты умрешь, а...

– Можешь не напоминать об этом? – с долей злости спрашиваю я, хотя сама вывела Бена на диалог.

– Могу.

Мало того разговор не клеится, так Бен лишний раз напоминает, что скоро я умру. Дрожь моментально пробегает по рукам, и я снова смотрю на Бена.

– За что ты здесь? – спрашиваю я.

Какое-то время Бен молчит, а я так жажду услышать его историю и позабыть о своей, что подползаю к самому краю моего невидимого заточения. Молча жду, кажется, одно неверное слово с моей стороны, и Бен замолчит до самого суда.

– Я бы сказал, что невиновен, но это будет враньем. И вообще я рад, что оказался здесь и завтра меня казнят.

– У тебя уже был суд?

– Да. Думаю, тебе понравится. Чистой воды спектакль.

Сомневаюсь, что мне может понравиться суд, где я буду на скамье подсудимого, а рядом не будет адвоката.

– Что ты сделал?

Бен посмотрел мне прямо в глаза.

– Я два месяца протаскивал синтетик с завода.

Да ладно? Я знаю, что рабочие таскают синтетик, но никогда не видела, как именно они это делают.

– Как? – спросила я.

– Тебе лучше не знать, – печально улыбнувшись, произнес Бен. – Меня поймали.

– И ты этому рад?

– Да.

– Ты дурак?

Бен улыбнулся моему вопросу, а в глазах у парня появились слезы.

– Капсулу синтетика нашла моя младшая сестра. Мать говорит, что скорее всего сестренка подумала, что это что-то съедобное и съела.

Мой взгляд опускается в пол. Можно не спрашивать, что случилось с сестрой Бена. Она умерла. И ей было очень больно. Если пары синтетика отравлены, то вы можете себе представить, что будет с человеком, употребившем его в чистом виде. Тело разъест изнутри.

– Соболезную, – тихо произнесла я и отвернулась.

Зря я вывела его на разговор. Отвлечшись на его горе, я позабыла о своем не более, чем на несколько минут. Но напомнила Бену, возможно, о самом ужасном событии в его жизни.

5. Правосудие

Время пришло. И больше всего я сожалела о том, что у меня не было силы, которая смогла бы отмотать назад эти проклятые дни. Я бы не согласилась грабить могилу. Не пошла бы за Элвисом и продолжила бы свою размеренную голодную жизнь. Но нет такого прибора, который сможет исполнить мою мечту. Стрелки часов назад не ходят.

Руки тряслись, но я продолжала стоять за трибуной, сжимая пальцы в кулаки, надеясь, что это успокоило бы меня, и я смогла бы здраво мыслить. Стояла я одна, хотя справа до сих пор находилась идентичная трибуна. Раньше там располагался защитник всех оступившихся – адвокат. Сейчас – пустота.

Сглатывая ком, я только сильнее сжала пальцы. Практически не видела передо собой убранство зала, который превратился в одно коричневое пятно. Казалось, что тут все было из дерева, покрытого лаком: стены, пол, скамейки передо мной и массивная высокая двухстворчатая дверь в конце зала. Перед глазами плыло, ноги подкашивались. Я не плакала, но нервы могли сдать в любой момент. Я – сжатая пружина, которая вскоре могла бы выстрелить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.